

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

Кронгауз М.А. Семантика : учебник для студ. лингв. фак-тов высш. учеб. заведений / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2005. – 352 с.

Лебедько М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской темпоральных концептосфер / М.Г. Лебедько. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 240 с.

Немецкие словари online. Толковые немецкие словари (Deutsch-Deutsch). Das digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://homo-linguisticus.com/articles/translations/german_dictionaries_online (дата обращения: 10.01.2013).

Пименова М.В. Принципы категоризации и концептуализации мира / М.В. Пименова // *Studia Linguistica Cognitiva. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы.* – М., 2006. – Вып. 1. – С. 172-186.

Попова З.Д. Лексическая система языка. Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания : учеб. пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «Либриком», 2011. – 176 с.

Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2003. – 59 с.

Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексемы (на материале современного немецкого языка) / М.Д. Степанова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 589 с.

Степанов Ю.С. Константы : Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2001. – 590 с.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch / Günther Drosdowski. – 2. völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. – Mannheim : Dudenverlag, 1989. – 2115 S.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – 6. überarbeitete und erweiterte Auflage. – Mannheim : Dudenverlag, 2007. – 2307 S.

Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Das neue einsprachige Wörterbuch für Deutschlernende. – М. : АСТ, 1993. – 1182 с.

Wahrig Deutsches Wörterbuch. – 8., vollständig und aktualisierte Auflage. – München : Wissen Media Verlag GmbH, 2006. – 2054 S.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ШАРЖИРОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИЙ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ЛИТЕРАТУРНОГО СЕРИАЛА Д. ЕМЦА «МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ»)

М.А. Белькова

*Научный руководитель: С.О. Горяев,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

Как известно, имена собственные выполняют, наряду с номинативной, еще и характеризующую функцию, которая в художественном тексте является более значимой.

В художественной литературе именование персонажа является важным компонентом формирования образа героя. Наиболее наглядно это проявляется в так называемых «говорящих» фамилиях и именах, «в значении которых содержится коннотативное указание на определенные качества и свойства персонажей» [Стариченок 2008: 135]. «Говорящие» имена и фамилии берут свою традицию еще из античной комедии, и до сих пор продолжается их широкое использование.

Все же в современной литературе, базовым методом которой можно (с оговорками) назвать реализм, такой художественный прием, характеризующий персонажа «в лоб», оказывается мало востребованным. Именования персонажей если и говорят нам о чем-то, то говорят «скрыто», и, чтобы точно понять внутреннюю форму имени, требуются знания иностранных языков (в том числе латинского) и общекультурные знания.

Но художественный потенциал прямой ономастической характеристики персонажа может воплощаться и в других формах номинации, одной из которых, на наш взгляд, является ономастическое шаржирование. «Шаржировать – изображать кого-что-нибудь в подчеркнуто карикатурном виде» [Ожегов, Шведова 2003: 892]. Идея шаржирования может осуществляться и на ономастическом уровне. Первой к этому обратилась И.В. Крюкова, которая определила ономастическое шаржирование «как вид искажающей сатирической стилизации имен собственных, который предполагает наличие легко узнаваемого прототипа» [Крюкова 2009: 147]. Кроме этого они «не просто в утрированной форме передают оценочную информацию о времени и месте повествования, но и содержат зашифрованные намеки, связанные с конкретными лицами, местами, объектами или событиями» [Крюкова 2009: 147].

Нам бы хотелось привлечь внимание к ономастическому шаржированию, происходящему внутри литературного сериала Дмитрия Емца «Мефодий Буслаев». Материалом шаржирования выступает именование главного героя, представленное традиционной формой русского антропонима – *Мефодий Игоревич Буслаев*.

Главного героя Мефодия Буслаева кратко можно описать следующим образом: он родился 13 апреля в 1992 году, в день полного солнечного затмения в Москве. «Внешне... внешне, пожалуй, не без изюминки. Сколотый на треть край переднего зуба, длинные русые волосы, схваченные сзади в хвост» [Емец 2004: 9]. Герой имеет глаза неясного оттенка, так как меняют цвет в зависимости от настроения. Смелый, упрямый, изворотливый, острый на язык, дерзкий. Постоянно подвергает себя испытаниям силы воли.

Автор играет со всеми элементами антропонима, поэтому в литературном сериале представлены различные измененные варианты личного имени, фамилии и патронима. Шаржированные онимы можно представить в виде гнезда:

1. Мефодий	→ 1.1. Мефодий Игоревич	→ 1.1.1. Мефодий свет Игоревич
Игоревич		→ 1.1.2. Кисляндий Ануфриевич
Буслаев		→ 1.1.3. Чай Кофич / Кофф Чайч
	→ 1.2. Мефодий Буслаев	→ 1.2.1. Мефодий Дохлаев
		→ 1.2.2. Мефодий Слюняев
		→ 1.2.3. Дохляндий Осляев
		→ 1.2.4. Дохляндий Слоняев
		→ 1.2.5. Осляндий Слюняев
		→ 1.2.6. Осляндий Слоняев
		→ 1.2.7. Мерзяндий Слюняев
		→ 1.2.8. Барандий Приставаев
		→ 1.2.9. Муся Тюфтяев
	→ 1.3. Мефодий	→ 1.3.1. Мефодь
		→ 1.3.2. Мефодиус
		→ 1.3.3. Мифодей
		→ 1.3.4. Мефистофель
	→ 1.4. Буслаев	→ 1.4.1. Буслай
		→ 1.4.2. Буслик
		→ 1.4.3. Беслаев
		→ 1.4.4. Недобуслаев

Рассмотрим каждый шаржированный оним подробнее.

Мефодий свет Игоревич («А сами *Мефодий свет Игоревич* телепатически никого вызывать не могут!» [Емец 2005: 30]). Имитирует почетное прозвание в фольклорной традиции, употребляется с ироническим оттенком. Единица «свет» поддержана такими номинациями, как «свет», «солнце наше ясное», «союзник света» и др.

Кисляндий Ануфриевич («А где хохот в зале? Эй, *Кисляндий Ануфриевич*, изобразите хотя бы улыбку, а?» – «Я улыбаюсь мысленно», – мрачно сказал Мефодий» [Емец 2004: 25]). Финали *-дий* и *-евич* соответствуют финалям имени-отчества – *Мефодий Игоревич*. Мотивировочным признаком номинации послужило состояние, настроение главного героя. *Кислый* – в переносном значении ‘уныло-тоскливый, выражающий неудовольствие, без всякого подъема, воодушевления’ [Ожегов, Шведова 2003: 274]. Образование патронима от редкого имени *Ануфрий* придает номинации вычурность. В данном случае использование формулы имени-отчества свидетельствует не об уважении, а о насмешке, иронии.

Чай Кофич / Кофф Чайч («Прозвище *Чай Кофич* (оно же *Кофф Чайч*) Арей дал Мефодию недели две назад, после того как во время

ритуальной церемонии (новый посол вампиров вручал верительную грамоту) Мефодий отказался пить кровь из чаши и сказал послу: “А чайку там или кофейку нельзя?”» [Емец 2006: 62]). Ситуативные прозвища, имитирующие имя и сокращенный вариант патронима, создают комический эффект, отсылая нас к широко распространенным напиткам и внося, тем самым, идею заурядности в образ героя.

Следующие номинации – *Мефодий Дохляев, Дохляндий Осляев, Осляндий Слюняев, Осляндий Слоняев, Дохляндий Слоняев, Мефодий Слюняев, Мерзяндий Слюняев, Барандий Приставаев, Муся Туфтяев* – употребляются в речи только одного персонажа, который саркастически относится к главному герою, использует наименования как средства уничижения и оскорбления, пытается вступить в словесную борьбу с Мефодием. Данные номинации приобретают негативно-иронический и пренебрежительный оттенки.

Мефодий Дохляев («Вот бы с новой гадкой хозяйкой *Мефодий Дохляев* позанимался» [Емец 2011: 75]). Фамилия *Дохляев*, как и имя *Дохляндий*, – производные от слова *дохлый*. Финаль *-ев* совпадает с финалью исходной фамилии *Буслаев*. *Дохляев/Дохляндий* поддержаны номинациями типа *дохляк, дохлая собака, отпетый разложенец*.

Дохляндий Осляев («Только попробуй, *Дохляндий Осляев!* Булавой тресну!» [Емец 2006: 135]). Финали *-дий* и *-ев* (как и финали следующих шести производных) соответствуют финалям имени и фамилии *Мефодия Буслаева*. Фамилия *Осляев*, как и имя *Осляндий*, – производные от существительного *осел* в переносном значении. Это поддерживается текстуально такими номинациями, как *дурак, тормозящий даун, осел*.

Осляндий Слюняев («Мерзкая хозяйка, как-то вы очень довольны! У вас что-то есть с этим *Осляндием Слюняевым?*» [Емец 2007: 102]). Фамилия *Слюняев* – производная от *слюни*, ассоциативно отсылающая нас к образу маленького ребенка, подчеркивающая слабые места героя, его нерешительность и безволие, с которыми он упорно борется.

Осляндий Слоняев («Ваш кофе, *Осляндий Слоняев!* Пейте – не обляпайтесь!» [Емец 2006: 69]). *Осляндий* – производное от *осел* (см. выше). *Слоняев* – производная от *слон*, в сочетании с именем *Осляндий* создает гипертрофированный образ большого, упорного и тупого существа.

Дохляндий Слоняев («*Дохляндий Слоняев* мог убить госпожу! Антигон спасал ей жизнь!» – огрызался наследник кикиморы» [Емец 2007: 15]) – см. выше. Номинация наводит на ассоциацию с дохлым (мертвым или изможденным, худым) слоном и имеет ярко выраженный негативно-иронический оттенок.

Мефодий Слюняев («Куси его! Куси! Ты что, не видишь: это

Мефодий Слюняев! – посоветовал кикимор волчице» [Емец 2006: 65]) – см. выше. Номинация создает образ человека, который «распустил слюни», что в рамках художественной реальности совершенно противоречит образу главного героя.

Мерзяндий Слюняев («Ты что, оглох? Сколько раз приказывать? Доставай меня, *Мерзяндий Слюняев!*» [Емец 2008: 77]). *Мерзяндий* – производное от слова *мерзость*, *мерзкий*, что характеризует героя как неприятного, скверного, бесчестного человека, которым он не является по сюжету.

Барандий Приставаев («Смотри так, *Барандий Приставаев*, если нормально смотреть разучился!» [Емец 2011: 183]). Номинация обусловлена ситуацией общения, где Мефодий проявляет себя как настойчивый, непреклонный и навязчивый собеседник. Имя *Барандий* – производное от *баран* в значении ‘упрямый и глупый человек’. Фамилия *Приставаев* – производная от глагола *приставать* в переносном значении ‘приступить к кому-нибудь с назойливыми разговорами, с просьбами’ [Ожегов, Шведова 2003: 599]. Сочетание данных значений рождает гипертрофированный образ упорного, надоедливого человека.

Муся Тюфтяев («“О, *Муся Тюфяев* пришел!” – едко обрадовался Антигон» [Емец 2007: 111]). *Муся* – женское имя от *Маруся/Мария*, которым чаще всего называют кошек. Это поддерживается текстуально номинациями *киска*, *котенок мой неутопленный*. Фамилия *Тюфтяев* – производная от слова *туфта*; вносит в номинацию идею фальши, обмана, вздора, выражая саркастически-уничижительное отношение субъекта.

Мефодь («“Он и ахнуть не успел, как на него *Мефодь* насел! Маленький и толстый! Ха-ха!” – в рифму сказала Мамзелькина» [Емец 2004: 74]). Гипокористика с фамильярным оттенком в данном контексте отсылает нас к строкам из басни И.А. Крылова «Крестьянин и работник»: «Крестьянин ахнуть не успел,/ Как на него медведь насел». Данный афоризм употребляется как комментарий к неожиданно случившейся с кем-либо неудаче, неприятности. Также фонетическая схожесть начала и конца слов *Мефодь* – *медведь* объясняет образование данной производной.

Мефистофель («Это и к тебе, Буслаев, относится! Тоже мне трагический подросток! *Мефистофель* из детского сада!» [Емец 2004: 19]). В данном контексте употребляется для создания иронического эффекта на основе поэтического символа отрицания нравственных устоев и доброго начала в человеке. К тому же номинация *Мефистофель* поддержана такими именованиями героя, как *создание мрака*, *слуга мрака*, *надежда мрака*.

Мефодиус («Ей непросто было привыкнуть к теперешнему Мефу.

Едва она привыкла к новому, как он уже стал старым, то есть опять же новым, а тот, который на деле новый, был уже на данный момент отошедший в прошлое – старый... В общем, неудивительно, что все эти *Мефодиусы* окончательно перепутались в сознании бедной девушки» [Емец 2009: 79]]. Добавление окончания -ус отсылает нас к схоластической традиции написания имени и вносит иронический оттенок. В данном контексте выполняет определенную функцию обобщения образа главного героя, который сильно изменился после того, как по сюжету отказался от службы мраку.

Мифодей («Даф же откинулась на подушку и стала хмуро разглядывать обои, когда-то давным-давно разрисованные ручкой и даже подписанные “*Мифодей*”. Судя по характеру и качеству рисунков, до юного Рембрандта Мефодию было, как до Венеры пешком и дальше на перекладных» [Емец 2005: 78]). Имитирует детскую орфографию. Вызывает ассоциации со словами «асмодей» и «лиходей», что негативно характеризует персонажа как злодея, которым он не является фактически. Кроме того, при разложении онима на два корня можно выделить единицы *миф* и *дей* – ‘делающий миф’. Это значение актуально для художественного пространства произведения, так как Мефодий является ключевой фигурой, вокруг которой разворачиваются события сериала, постоянно отсылающие читателя к мифологическим сюжетам, персонажам и образам.

Буслик («Подчеркиваю: Гопзий чпокнул *Буслика!*!» [Емец 2008: 129]). Вариант *Буслик* можно соотнести с фамилией героя мультфильма «Вася Буслик и его друзья», в котором повествуется о дружбе пионера Васи Буслика со зверятами и о необходимости знаний (кроме этого, имя *Вася* употребляется как псевдоним главного героя и входит в номинацию *Вася Гульфики*ов, а тема получения знаний актуальна для главного героя).

Буслай («“Нет, не получается... Не пускает! Ну, *Буслай!*” – с восхищением сказала Улита минуту спустя» [Емец 2006: 89]). Гипокористика от фамилии *Буслаев*, которая ассоциативно отсылает читателя к герою новгородских былин Василию Буслаеву. Эта ассоциация текстуально поддержана автором, в частности, в третьей части сериала, где говорится о прямом родстве Мефодия и Василия Буслаева: «На протяжении пятидесяти поколений твои предки, а среди них, кстати, был и известный новгородец Васька Буслаев, плевали на знания с такой завидной регулярностью, что это не могло не сказаться» [Емец 2005: 106]. Также нужно учитывать, что исторически имя *Буслай* – это ‘гуляка, мот, оболтус’ [Веселовский 1974: 57]. Это значение древнерусского слова также поддерживается текстуально – в тексте произведения можно встретить целый ряд коннотативно схожих номинаций главного героя со

стороны других персонажей, таких как: *болван, лоботряс, олух* и собственно *оболтус*. Например, Мефодий, по мнению воспитывающего его персонажа Арея, является оболтусом, так как не хочет учиться: «Ты лентяй, причем лентяй потомственный и непроходимый! <...> Проще научить собаку дирижировать симфоническим оркестром, чем втемашить одному из Буслаевых простейшую истину» [Емец 2005: 106].

Беслаев («Кажется, вспомнил. Я должен прикончить какого-то *Беслаева*, если этого не сделают до меня. Ты не встречал Беслаева, Рома ибн Сюсиль?» [Емец 2007: 117]). Непреднамеренное изменение буквы в корне наводит на ассоциации со словом *бес*, что соответствует первоначальной роли Мефодия, как наследника мрака.

Недобуслаев («Даже и не думай издеваться! – предупредила ведьма. – А то знаю я тебя! Заявишь, что ты *Недобуслаев*! Чувство юмора у тебя, как у Недочимоданова... тьфу ты!» [Емец 2007: 28]). *Недо-* – приставка, указывающая на ‘предмет, не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом’ [Русская Грамматика 1980: электрон. ресурс]. То есть *Недобуслаев* – ‘не совсем, не в полной мере Буслаев’. Номинация поддержана именованиями героя со значением ‘недостаточности’, ‘незавершенности’: *недоумок, недовызванный на дуэль слуга мрака*.

Шаржированные онимы выполняют целый ряд художественных задач. Во-первых, они характеризуют объект номинации, т.е. главного героя произведения. Именование либо принижает, оскорбляет персонажа, либо, наоборот, возвышает, восхваляет. Кроме этого, через имя дается оценка действий персонажа. Во-вторых, шаржированные онимы характеризуют тех героев, которые производят шаржирование, говорят об их умственных способностях, чувстве юмора и настроении. В-третьих, шаржированные онимы показывают отношение героев к Мефодию Буслаеву. А так как за всеми героями стоит автор, то шаржирование служит средством создания не только образов героев, но и образа автора.

Список литературы

Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.

Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский. – М. : Наука, 1974. – 381 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Лед и пламя Тартара : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Лестница в Эдем : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2008. – 416 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Маг полуночи : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2004. – 416 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Месть валькирий : повесть / Д.А. Емец. – М. :

Эксмо, 2006. – 416 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Огненные врата : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2011. – 416 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Ожерелье дриады : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2009. – 384 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Первый эйдос : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Светлые крылья для темного стража : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Свиток желаний : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2005. – 416 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Тайная магия Депресняка : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2006. – 416 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Танец меча : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2011. – 384 с.

Емец Д.А. Мефодий Буслаев. Третий всадник мрака : повесть / Д.А. Емец. – М. : Эксмо, 2005. – 416 с.

Крюкова И.В. Ономастическое шаржирование / И.В. Крюкова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8-12 сентября 2009 г.) / под ред. Е.Л. Березович. – Екатеринбург, 2009. – С. 147-149.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ЭЛПИС», 2003. – 944 с.

Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980 [электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=167> (дата обращения: 30.04.2012).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА НАРРАТИВНЫХ ТЕКСТОВ О ПОДСЕЛЕННОМ ДУХЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СЕВЕРНОГО ПРИКАМЬЯ)

А.А. Мамыкина

*Научный руководитель: И.Н. Щукина,
кандидат филологических наук, доцент (ПГНИУ)*

Особенности культуры представителей отдельных регионов традиционно интересовали фольклористов и диалектологов. В последние десятилетия тексты, содержащие информацию о ней, привлекли живой интерес лингвокультурологов. В Прикамье на протяжении многих лет складывалась особая магическая традиция, связанная с икотой: способы «подселения» икоты, обереги от нее, средства избавления и другие мифологические представления нашли отражение в нарративных текстах. Описание, как правило, характеризуется планомерным развитием текста, логикой, что позволяет получить наиболее полное представление о